
**ТЕМА НОМЕРА —
«ГОРИЗОНТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
БИОСОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ»**

DOI: 10.17805/ggz.2018.2.1

Биосоциология молодежи как новая научная дисциплина

В. А. Луков

Московский гуманитарный университет

В статье биосоциология молодежи рассмотрена в свете концепции В. И. Вернадского о ноосфере и концепции Н. Н. Моисеева об универсальной эволюции. Показан смысл этих концепций в применении к молодежи. Определено место биосоциологии молодежи в системе гуманитарных и социальных наук с учетом положенных в ее основание указанных концепций, а также примененного к ним тезаурусного подхода.

Ключевые слова: биосоциология; молодежь; ноосфера; универсальная эволюция; гуманитарные и социальные науки; тезаурусный подход

Biosociology of Youth as a New Scientific Discipline

V. A. Lukov

Moscow University for the Humanities

The article examines the biosociology of youth in the light of V. I. Vernadsky's conception of noosphere and N. N. Moiseev's conception of universal evolution. The author demonstrates the meaning of this conception in application to the youth and determines the place of the biosociology of youth in the system of the humanities and social sciences taking into account the above-mentioned conceptions that are at its foundation as well as the thesaurus approach applied to these conceptions.

Keywords: biosociology; youth; noosphere; universal evolution; humanities and social sciences; thesaurus approach

ВВЕДЕНИЕ

Биосоциология молодежи — достаточно недавнее образование, но уже некоторые свидетельства того, что новая научная дисциплина институализируется, появились в отечественном комплексе гуманитарных и социальных наук.

Надо полагать, появлению биосоциологии способствовали два фактора. С одной стороны, социобиология О. Уотсона оказалась продуктивной теорией. Если ее на Западе в части, относимой автором к человеку (а поначалу это была очень небольшая часть, теория разрабатывалась на основе социального поведения муравьев, ос, термитов и т. д., где заслуги О. Уотсона не подвергались сомнению), встретили в штыки, обвинили в социалдарвинизме и даже в распространении либеральных идей (Луков, 2018b), то у нас об этой критике слышали, но не придавали ей особого значения, а теория оказалась ожидаемой, так как требовалось объяснить новые явления в социальной жизни людей в условиях социальной аномии.

Другой фактор, подтолкнувший к становлению биосоциологии, следует связать с появлением научных дисциплин на границе биологии и гуманитарных наук. Из этих би-наук (в данном случае имеется виду, что они имели двойное происхождение и имели двойное хождение: для их развития были необходимы по крайней мере два научных сообщества, каждое из которых было связано или с так называемыми точными, или с гуманитарными и социальными науками) особо важная роль принадлежит биоэтике, которая в последние годы получила широкое признание и за рубежом, и в России.

Но контаминация биологии и гуманитарных наук имеет и более ранние источники. Они обнаруживаются в органицизме XIX в., однако наиболее продуктивна та сторона этого сближения, которая реализовалась в идее ноосферы В. И. Вернадского и концепции универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева.

ИДЕЯ НООСФЕРЫ

Исходным для становления учения о ноосфере стало обсуждение определенного круга онтологических, гносеологических, аксиологических проблем в философском семинаре Анри Бергсона (Париж, 1922–1932), где, среди прочего, возникли контакты В. И. Вернадского с выдающимися французскими — антропологом и теологом Пьером Тейяром де Шарденом и видным математиком и теологом Эдуардом Ле Руа. Более всего здесь, вероятно, важны идеи книги Бергсона «Творческая эволюция» (1907), в которой обосновывалась идея о приближении органической эволюции к эволюции сознания, «где прошлое напирает на настоящее и выдавливает из него новую форму, несоизмеримую с предшествующими» (Бергсон, 1998: 61). «Жизненный порыв» (“l’*élan vital*”) как присущее универсуму стремление к жизни дает творческому сознанию свободу развития. Вообще, тема свободной мысли человека, его свободной веры, его свободного действия в бергсонов-

ском представлении о жизненном порыве исключительно значима. В бурном начале XX в. эти идеи оказались продуктивными для понимания Происходящего (термин в трактовке И. М. Ильинского — Ильинский, 2006, 2011) и с разных точек зрения осмысливались выдающимися умами того времени.

Именно общее направление мыслей предопределяло то будущее содержание, которое оформилось в учении о ноосфере Вернадского, хотя слово (ноосфера — сфера разума) было сказано Ле Руа. Все трое — Вернадский, Ле Руа, Тейярд де Шарден — в дальнейшем развивали идею ноосферы, опираясь на свои научные концепции и жизненные наблюдения, впрочем, как и на те испытания, через которые им пришлось лично пройти (для Вернадского — сложные отношения с новым строем в России, для Тейярда — запрет на преподавание, поскольку он, иезуит, выступил в науке с позиций эволюционизма, для Ле Руа, представителя католического модернизма, — аналогичные проблемы свободы выбора при диктате религиозного канона).

Само время разработки идей ноосферы в его всемирно-историческом измерении оказалось важнейшим фактором философского осмысления действительности в этих новых аспектах. Вернадский в своем дневнике замечает, что видит ноосферу зарождающейся «в буре и грозе» (цит. по: Рашковский, 1989: 116). Важно, что запись сделана 26 августа 1941 г., т. е. в начальный период Великой Отечественной войны. Можно определенно утверждать, что обстоятельства выработки новой концепции соответствовали ее масштабу. Здесь буквально применимы слова Бергсона, что «наша мысль в ее чисто логической форме неспособна представить себе истинную природу жизни, глубокое значение эволюционного движения. Созданная жизнью в определенных условиях для действия на определенные вещи, может ли она охватить всю жизнь, будучи лишь одной ее эманацией, одной ее стороной?» (Бергсон, 1998: 33–34).

Итак, в действительности решающую роль в становлении концепций ноосферы играло общее направление умов, реагировавших на то, что происходило в мире, на эпохальные события мировых революций и войн. Обобщение Вернадского о смысле ноосферы здесь применимо к ее осознанию выдающимися мыслителями XX в.: «Человек впервые реально понял, что он житель планеты и может — должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетном аспекте» (Вернадский, 1977: 191).

Глобализационные процессы XXI в. подтвердили верность представления о том, что сила разума и воли человека, образуясь в биосфере, выхо-

дит на уровень космической силы. Продолжая эту мысль Вернадского, ученые наших дней, уже опираясь на новейшие исследования (в частности, медико-биологические), утверждают, что прорыв человека в информационную сферу — лишь начало движения к распознаванию сущности информационного поля земли и космоса. Подчеркивая это, видный физиолог К. В. Судаков утверждает: «Развитие человеческого общества неуклонно движется от генетического способа передачи наследственной информации к обогащению информационных голографических экранов больших космических систем — созданию космического хранилища общественного и индивидуального знания — Космического разума» (Судаков, 2007: 11). Именно в преддверии таких изменений можно говорить о приближающихся временах приоритета понимания в отношении знания в узком смысле слова. И ноосферная концепция займет в таком понимании, возможно, ведущее место.

Учение о ноосфере может быть развито в нескольких направлениях. Одно из них состоит в применении для этих целей тезаурусного подхода (Луков, 2018а). В трансдисциплинарной перестройке знания о человеке тезаурусный подход может сыграть определенную роль, не заменяя и не отменяя фундаментальности монодисциплинарных научных концепций, но позволяя осуществить сшивку разнородной информации для осмысления человека как целостности.

Тезаурус в нашем понимании выражает субъектную организацию гуманитарного знания (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013). Это, среди прочего означает, что в центре знаниевой системы оказывается субъект, т. е. некое активное начало бытия. Такое начало конкретизируется концептами «человек», «общность», «народ», «человечество» и т. д. При этом более или менее ясно, в чем субъектная роль человека и даже народа, но перед субъектностью человечества мы останавливаемся в недоумении как перед слишком неясной абстракцией. Она, разумеется, понятна как обобщенное обозначение всех живущих на планете людей. Но тут же возникают вопросы: 1) о возможности равного отнесения всех к единому субъекту бытия при очевидном неравенстве людей; 2) о составе человечества: это лишь те, кто существует сейчас, или все, кто существовал до сих пор, или все, кто существовал, существует и будет существовать в сменяющейся череде эпох?

Ноосферная идея выводит эти вопросы за пределы совокупного материального носителя разума и рождает представление о разуме как надчеловеческом ресурсе, реализованном в индивидуальных сознаниях миллиардов людей — живших когда-то, живущих сейчас, родившихся в будущем. Этот планетарный разум образует тезаурус, подчиняющийся общим закономер-

ностям функционирования и развития тезаурусов. Его основные функции, как и каждого тезауруса, — ориентационная и новационная. В основе его построения те же элементы, что и у тезауруса отдельного человека, а именно — концепты. Это особая структура сознания, не равная понятиям: в концепте сливается логическое и образное, концепт выражает определенную ценность и эмоционально окрашен. Видимо, балансировать на грани между понятием и образом — одно из свойств концепта как особой структурной формы сознания. В аналитических целях, разумеется, можно дифференцировать концепты-понятия и концепты-образы, но этим скорее затемняется, чем проясняется суть вопроса. В одних концептах может быть ярче представлена логическая основа, идущая от понятия, в других — больше обнаруживается образ как таковой, но во всех случаях можно видеть их сращение, наподобие *кентавра*. Как кентавр — не человек и конь, а конечеловек, так и концепт — не понятие и образ, а образопонятие, сплав, в котором граница не видна и не важна. Собственно, соединение в концепте образа и понятия позволяет ему встроиться как в интеллектуальную, так и в чувственную жизнь человека, в жизнь как целостность, без чего ориентация в социокультурном пространстве была бы невозможна. Эти же свойства тезаурусных строительных блоков могут быть выявлены и у ноосферы. Ее также можно характеризовать через основные свойства тезаурусов: целостность versus мозаичность, устойчивость versus изменчивость, расширяемость versus сжимаемость, фрактальность versus событийность.

В целом исследования ноосферных процессов позволят увидеть особую структурирующую роль Происходящего в формировании складывающихся в масштабах ноосферы тезаурусных генерализаций.

Именно здесь нужно представление о Происходящем, которое, развивая идеи И. М. Ильинского, мы определяем как наличествующее бытие во всем являющемся субъекту мозаичном многообразии реальных и виртуальных событий разного масштаба, которые им переструктурируются на основе картины мира и освоенных ценностей, приобретая целостность. Собственно, Происходящее — динамический аналог жизненного мира субъекта, содержание Настоящего. Оно обновляется в диалектике смерти — воскресения и удерживается в своих границах путем перманентного превращения Настоящего в Прошлое.

Тезаурусный подход позволяет увидеть тесную связь научных идей Вернадского о ноосфере с Происходящим, т. е. с фактором, который непосредственно не является строительным материалом для научных конструкций в пределах тех или иных наук, а составляет среду, почву, контекст. Характерно, что сам Вернадский отмечал такую зависимость: «Первая мировая

война 1914–1918 гг. лично в моей научной работе отразилась самым решающим образом. Она изменила в корне мое *геологическое миропонимание*. В атмосфере этой войны я подошел в геологии к новому для меня и для других и тогда забытому пониманию природы — к геохимическому и к биогеохимическому, охватывающему и косную и живую природу с одной и той же точки зрения» (Вернадский, 2004: 470–471; курсив Вернадского. — В. Л.).

Мы приходим к мысли, что ноосфера есть тезаурус в его предельном выражении: его носителем является человечество как целостный субъект бытия, имеющий сегодня свойства геологической силы; реализуемая на ноосферном уровне триада «знание — понимание — умение» равна всемирной культуре; свойства ноосферы как функциональной системы определяются взаимодействием ее подсистем, обеспечивающих поддержание жизнеспособности ноосферы как надындивидуального и сверхсоциального человеческого разума.

Ноосфера только начала проявляться в своем достаточно развитом состоянии, чему способствовали новые средства коммуникации, но не они в первую очередь, а всеобщий процесс освоения человечеством планетарных ресурсов. В итоге, как утверждал Вернадский, исторический процесс коренным образом меняется: «Впервые в истории человечества интересы народных масс — *всех и каждого* — и *свободной мысли личности* определяют жизнь человечества, являются мерилom его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”» (там же: 479–480).

Однако нельзя не видеть, что ноосфера может быть подвержена серьезным испытаниям в условиях, когда силы человечества оказываются бесконтрольными и столь значительными, что могут привести к его самоуничтожению. В своих попытках изменить мир и даже самую человеческую природу (концепции трансгуманизма, постчеловека и т. д.) человек становится неузнаваемым сам для себя.

В этой коллизии ноосферный уровень тезауруса может осмысливаться и через разработку биосоциологии как формирующейся научной концепции междисциплинарного характера и практики исследования сложных по природе явлений современной общественной жизни, исходящих из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей) (Луков, 2013: Электронный

ресурс). Важная задача биосоциологии — выявить возможные трансформации общества через накопление в новых поколениях критической массы биологических и интеллектуальных (под воздействием факторов внешней среды обитания и вызванных искусственными средствами), а также социокультурных изменений. По своей прогностической направленности развитие биосоциологии тесно связано с институционализацией гуманитарной экспертизы как способа сознательной регуляции изменений в человеке и обществе в условиях, когда технологически становится возможным в массовых масштабах осуществлять инновации, касающиеся самой природы человеческого и социального (Тищенко, 2008; Луков, 2012). Биосоциология — лишь начальная фаза развития тезаурусоориентированного понимания Земли как планеты, подобной Солярису из научно-фантастического романа С. Лема, где мыслящий океан представляет в образной форме аналогию ноосферы Вернадского.

ИДЕЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Концепция универсальной эволюции Н. Н. Моисеева не раз подвергалась критике за присущий ей уклон к физикализму. Для более детального анализа это, может быть, и важно, но в плане становления би-науки важнее сам путь к концепции, который показывает и продуктивность идеи Моисеева.

Воспоминания выдающегося математика о встрече в конце 1960-х гг. на совещании, которое прошло в одном из клязьминских пансионатов по инициативе В. М. Глушкова и было посвящено введению информационных технологий в управление экономикой СССР, проясняют замысел: «Мы хотели выработать общие принципы внедрения современных методов обработки информации в управление народным хозяйством, в политику, в военные дела. К сожалению, из этого совещания ничего не получилось, более того — мы все перессорились» (Моисеев, 1994: 253–254). Сам Н. Н. Моисеев именно с этого момента считал, что начался его путь к формированию того миропонимания, которое он позже назвал универсальным эволюционизмом (там же: 254). Этот жизненный эпизод и следует понимать как мировоззренческий «щелчок», который рассматривается в тезаурусном подходе: конечно, Моисеев думал над идеей универсального эволюционизма, еще так не называвшейся даже в его системе «знания — понимания — умения» (формула И. М. Ильинского), был готов в любой момент произвести ее на свет. У Моисеева, например, есть и другое пояснение его прихода к идее универсального эволюционизма. Он писал: «На определенном этапе исследований

и стабильности биосферы, которые с начала 1970-х гг. велись в Вычислительном центре АН СССР, я пришел к пониманию необходимости выработки достаточно общей исследовательской программы, содержащей, помимо методологических средств, определенную концептуальную картину мира. Именно с такой утилитарной целью я предпринял попытку построить схему мирового процесса «самоорганизации» (Моисеев, 1991: 3). Но, думается, именно князьминская баталия умов вдруг прояснила все.

А что же все-таки она прояснила? Концептуальные идеи обычно просты и поражают ясностью и даже примитивностью, они подобны афоризмам или крылатым словам. Более того, если идея требует широкого раскрытия, пояснения, то она вряд ли концептуальна. Идея Моисеева концептуальна. Ее содержание просто: если ищется какое-то общее основание организации человеческой деятельности в различных, порой далеких друг от друга сферах, то это общее надо искать в биологических свойствах человека как организма, созданного природой в ходе процесса эволюции от самых простых форм живого до его сложных форм. И даже еще глубже надо смотреть: от форм неживой природы к высшим формам жизни. Идея проста, и не сказать, чтобы она была особо нова (уже в античности, если иметь в виду англо-американскую цивилизацию, мы находим нечто подобное, но в других цивилизациях она еще древнее). Но в прошедшие времена она не вытекала — как обратный вывод — из управления экономикой, военным потенциалом страны, разрешением глобальных проблем человечества и т. д.

Концепция универсальной эволюции возникла «на границе естествознания и философии» (там же), хотя, по авторскому признанию, «в ее основе лежат взгляды, традиционные для физики и всего современного естествознания» (там же: 5), что и определило ее критику как физикалистской концепции. Но это довольно поверхностный взгляд на данную концепцию. Суть концепции в том, что она последовательно реализует системное понимание человека и его мира, исходит из универсальности системного подхода. Моисеев пишет: «В основе той схемы, которую я называю универсальным эволюционизмом, лежит “гипотеза о суперсистеме”. Вся наша Вселенная представляет собой некую единую систему — все ее составляющие между собой связаны» (там же). Дарвиновская триада (изменчивость, наследственность, отбор) применяется ко всему многообразию природы — и живой, и неживой. Это спорно, но если принцип системности универсален, то такая связь вполне логична. Моисеев отмечает: «Поскольку в окружающей нас реальности все и всегда подвержено действию случайностей и неопределенностей, то даже в случае процессов дарвиновского типа нельзя говорить о полной

детерминированности. Можно лишь видеть тенденции, если угодно, “каналы эволюции”. Примерами подобных процессов являются процессы селекции животных или движение космического аппарата. Этими свойствами обладает множество процессов, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни и которые позволяют нам как-то предвидеть результаты наших активных действий и делать их целенаправленный выбор. Таким образом, механизмы дарвиновского типа являются основой сознательной деятельности человека» (там же: 7). Иначе говоря, процессы дарвиновского типа отделены от других и этим другим процессам не приписывается целенаправленность. В то же время они остаются системными, могут пониматься как системы.

В этом ключе надо посмотреть на бифуркационные процессы. Они теряют свою определенность, когда из неживой природы переносятся в живую, в общество. Бифуркация трактуется как непредсказуемое и глубокое, чаще всего катастрофическое и невозвратное изменение системы в целом под воздействием внешнего для нее, непреодолимого и трудно определимого обстоятельства. Н. Н. Моисеев отмечает, что происходит уменьшение стабильности систем по мере роста их сложности (там же: 10). Иначе говоря, чем сложнее система, тем больше от нее следует ожидать феноменов бифуркации. Есть справедливые комментарии, что противоположную тенденцию — поддержание в сложных системах порядка в опоре на регулятивные механизмы, которые есть у таких систем, — Моисеев не замечает. Но обратим внимание на то, что он все-таки замечает, а именно, на падение стабильности сложных систем по мере их роста.

Такие процессы хорошо видны в обществах социальной аномии (в смысле Э. Дюркгейма). Даже когда идет речь о механизмах поддержания порядка в таких обществах, то на передний план выдвигаются вовсе не актуальные механизмы, а давно забытые и вдруг возрожденные. Такова архаизация в ряде регионов страны, потерявшей единые рычаги управления (Ламажаа, 2013). Можно вести эту линию и увидеть примитивные формы сохранения устойчивости сложных систем и даже более выраженную в них бифуркацию, свойственную неживой природе. Этим еще раз подтверждается универсальность эволюционизма, который выявляет как общее свойство природы Моисеев.

В целом универсальная эволюция в концепции Н. Н. Моисеева прокладывает мост между различными науками, позволяя более связанным увидеть этот мир. В частности, более определенно ставить вопрос о сложных биосоциальных объектах. Учитывая развитие идеи таких систем, подчеркнем трактовку комплексности Дж. Урри (некоторая параллель коопера-

тивности в природе, о которой говорит Моисеев) как смеси порядка и хаоса: взаимодействуя со средой, сложные биосоциальные объекты образуют «острова порядка» в турбулентном море беспорядка. Но этот порядок неустойчив, даже небольшие нарушения могут вызвать разрушение системы (Urry, 2005: 235). Соответственно, комплексные системы нестабильны, в них события и элементы влияют друг на друга; маленькие причины вызывают большие последствия; изменения могут быть катастрофическими в период трансформации систем (ibid: 239–240). Более того, внезапно возникшие объекты с новой природой оказываются, с точки зрения их познания, объектами, не имеющими признанной границы и этим создающими конфликтную исследовательскую ситуацию (Nowotny, 2005).

Новые обстоятельства могут уточнить концепцию Н. Н. Моисеева, снять в ней противоречия, проясняя конкретные обстоятельства. Но она остается одной из тех концепций, которые имеет смысл продолжать.

БИОСОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ КАК БИ-НАУКА

В развитие концепций В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева биосоциология обогащается идеями, которые формально выходят за ее предмет. Между тем, это только формальное расширение: би-науки о человеке и обществе, основанные на междисциплинарной связи естественных и гуманитарных наук, не могут пройти мимо этих концепций. Концепция В. И. Вернадского расширяет их в смысле перспектив осознания космической связи каждого индивидуального мозга с ноосферой, им управляющей и определяющей уровни, этапы и границы его развития. Концепция Н. Н. Моисеева, напротив, означает движение всей системы любого биообъекта к более простым формам существования во всех случаях, когда пределы развития управляющей ею изнутри инстанции достигнуты, а позитивного выбора система не сумела выработать.

Эти перспективы (т. е. те черты теоретической концепции, которые применимы в данном случае, даже если они не разработаны в формах теории или не приняты либо не осознаны полностью) важны для биосоциологии как би-науки, а также становятся основой того, что она представляет из себя как новая научная дисциплина.

Под биосоциологией мы понимаем научную концепцию междисциплинарного характера, исходящую из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей) и имеющую своим предметом те стороны социальной жизни, которые и на макроуровне, и на микроуровне человеческих взаимо-

действий непосредственно вытекают из биологической природы человека. Это в первую очередь вопросы гендера, возрастных различий, этнокультурной специфики, а также вопросы взаимодействия человека и человечества с искусственным миром, созданным ими и отчужденными от себя. В теоретическом ракурсе биосоциология может быть осмыслена как новая вариация на тему неразрывной связи в человеке и обществе биологического и социального начал. Новая — в том смысле, что мир второй половины XX — первых десятилетий XXI в. обладает целым рядом свойств — и объективных, и субъективных (т. е. в данном случае отражающих превращение субъектных свойств человека и человеческих общностей в решающее условие конструирования мира, а не только мировосприятия), — которые в предыдущие исторические периоды или были малосущественными, или лишь зарождались и обнаруживались как потенция.

Очевидно, что становление биосоциологии связано с рассматриваемыми концепциями. Но не менее существенно то, что мы стремимся определить как биосоциология молодежи, задача которой выявить возможные трансформации общества через накопление в новых поколениях критической массы биологических и интеллектуальных (под воздействием факторов внешней среды обитания и вызванных искусственными средствами), а также социокультурных изменений. Некоторые выводы из такой постановки задачи противоречат идеям перманентного прогресса, какими вдохновлялась первоначальная социология, рожденная идеологией Великой французской революции. Но концепциям В. И. Вернадского и Н. Н. Моисеева они вполне соответствуют. Если понимать ноосферу как предельный тезаурус, то тезаурусы, распространенные в каждом новом поколении, получают устойчивое основание. Не остается без ответа и вопрос, почему воспроизводятся в новых поколениях не только тезаурусы, которые составляют, так сказать, лицо эпохи, но и все другие тезаурусы, нередко противоположные основному умонастроению или иначе — миропониманию эпохи, наиболее признанным в обществе картинам мира. Другая сторона проблемы: почему новое поколение хуже предыдущего, такое ухудшение воспринимается как субъективная оценка старших поколений, но нет ли здесь чего-то другого? Моисеевская концепция подсказывает, что есть. Это что-то связано не с субъективным мнением, а с социальной субъектностью, достигнутой и достигаемой каждым поколением в период молодости, что составляет признак универсальной эволюции сложных биосоциальных систем. В ситуациях выбора, если заблокированы его регуляторы социальной аномией, присущая неживой природе бифуркация оказывается наиболее реализуемой стратегией (она

буквально становится аттрактором), причем она не управляется сознанием, а действует как внешняя неподвластная сила. Некоторые вопросы биосоциологии молодежи, которые встали в первые десятилетия XXI в., становятся яснее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Биосоциология молодежи как новая научная дисциплина сохраняет качества междисциплинарности и би-науки, каковой она, по сути, и является. Она могла бы развиваться и без специального обращения к новым поколениям, что, в частности, показала биокосмология, в рамках которой биосоциология не нуждается в молодежном аспекте. Но именно применение к ней концепций ноосферы и универсальной эволюции выявляет те вопросы, без которых биосоциология становится только фактом движения науки к преодолению дисциплинарных перегородок.

Ноосфера выступает в ней как предельный тезаурус, в который надо каждому новому поколению войти, присвоить его по ходу обретения социальной субъектности, но и не нарушить его конструкцию. Универсальная эволюция показывает, что такое освоение (присвоение) идет по проложенным природой путям, которые могут поддаваться изменениям, но в своей основе воспроизводимы всегда. Раскрыть смысл этих действий для новых поколений и соответствующих им новых условий жизни сложных биосистем, выявить новые социальные практики «улучшения» человека и его мира, в которые вовлечена молодежь XXI в., биосоциология молодежи сможет, если в ее основе будут лежать концепции ноосферы и универсальной эволюции, а также примененный к ним тезаурусный подход.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергсон, А. (1998) Творческая эволюция. М. : Канон-пресс ; Кучково поле. 382, [2] с.

Вернадский, В. И. (1977) Размышления натуралиста : в 2 кн. / АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. Архив. М. : Наука. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление / сост.: М. С. Бастракова, В. С. Неаполитанская, Н. В. Филиппова ; редкол.: Б. М. Кедров (пред.) и др. 191 с.

Вернадский, В. И. (2004) Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / предисл. Р. К. Баландина. М. : Айрис-пресс. 576 с. С. 470–482.

Ильинский, И. М. (2006) Между Будущим и Прошлым : Социальная философия Происходящего. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 664 с.

Ильинский, И. М. (2011) Прошлое в Настоящем : Избранное. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 840 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: Тувинский феномен. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.

Луков, В. А. (2012) От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 114–118.

Луков, В. А. (2013) Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания : науч. монография. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 430 с. URL: http://mosgu.ru/nauchnaya/publications/2013/monographs/Lukov_Biosociology-of-Youth.pdf

Луков, В. А. (2018a) Тезаурусная социология : в 4 т. : монография. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. Т. 1. 608 с.

Луков, В. А. (2018b) Социобиология или биосоциология: чем они отличаются применительно к происходящему в новых поколениях? // Вестник Международной академии наук (Русская секция). № 1. С. 109–114.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Нац. Ин-т бизнеса. 784 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II : Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Нац. Ин-т бизнеса. 640 с.

Моисеев, Н. Н. (1991) Универсальный эволюционизм. (Позиция и следствия) // Вопросы философии. № 3. С. 3–28.

Моисеев, Н. Н. (1994) Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления 1917–1993. М. : Аспект Пресс. 304 с.

Рашковский, Е. Б. (1989) Городская интеллигенция в коллизии традиции-новации: славянский мир и Восток // Проблемы философии истории: традиция и новация в социокультурном процессе. М. : ИНИОН. 199 с. С. 74–125.

Судаков, К. В. (2007) Системокванты — основа голографического построения живых существ // Вестник Международной академии наук (Русская секция). № 2. С. 5–11.

Тищенко, П. Д. (2008) Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 198–205.

Urry, J. (2005) The complexities of the global // Theory, Culture and Society. Vol. 22. No. 5. P. 235–254.

Nowotny, H. (2005) The increase of complexity and its reduction: emergent interfaces between the natural sciences, humanities and social sciences // Theory, Culture and Society. Vol. 22. No. 5. P. 15–31.

Дата поступления: 19.04.2018 г.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Инсти-

тута фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Lukov Valery Andreevich, Doctor of Philosophy, Professor, Director, Center for Social Design and Thesaurus Conceptions, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member, International Academy of Science (IAS, Innsbruck, Austria). Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: v-lukov@list.ru

Для цитирования:

Луков В. А. Биосоциология молодежи как новая научная дисциплина [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 3–16. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/752> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: 10.17805/ggz.2018.2.1